

Василий Щепетнёв

МАРС, 1939

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445
Щ 56

Оформление обложки Егора Саламашенко

Составитель Александр Гузман

Щепетнёв В.

Щ 56 Марс, 1939 : романы, повести, рассказы / Василий Щепетнёв. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 864 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28249-0

Василий Щепетнёв — мастер психологической фантастики, альтернативной истории, литературного хоррора, дважды лауреат премии Бориса Стругацкого «Бронзовая улитка». Данная книга включает представительное собрание повестей и рассказов, принесших автору известность как среди любителей жанра, так и ценителей качественной прозы («Седьмая часть тьмы», «Марс, 1939», «В ожидании Красной армии» и др.), и роман «Черная земля». Здесь Российская империя, в которой сорвалось покушение на Столыпина, избежала революции, но в 1933 году воюет на два фронта с гоминьдановским Китаем и европейским Коминтерном или, овладев секретом межпространственного перемещения, колонизирует в 1939 году Марс; здесь в тайге у Подкаменной Тунгуски вылупился в 1908 году феникс, а лаборатория некробиотических структур (Ночная Стража) пытается взять под контроль нежить, поднимающуюся из могил, когда страна и общество поставлены на грань выживания...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-445

© В. П. Щепетнёв, 2025
© А. Б. Гузман, состав, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28249-0

MAPC, 1939

ПОЗОЛОЧЕННАЯ РЫБКА

Сегодня он обедал в одиночестве. Дивный шашлык, брюссельская капуста, виноград «дамские пальчики», вино — выдержанная «Массандра», поданная в хрустальном графине, — не вызывали никакого отклика. А как он радовался этому изобилию в первые дни! Нет, не так. Он радовался всему, и в первую очередь — возвращению. Радовался и предвкушал. Конечно, он понимал, что время всенародного ликования, демонстраций, листовок, кубометрами разбрасываемых с вертолетов, и сияющих пионеров с огромными букетами сирени прошло, но все же, все же... «Покорители Венеры, вас приветствует Родина», что-нибудь в этом духе ожидалось непременно. А получилось куда проще, скромнее, приземленнее, что ли. Смотри, почти каламбур, жаль, сказать некому.

Быков налил вино в рюмку, посмотрел на свет. Красное вино. Багровое. Входит в курс восстановительного лечения. Поначалу думалось, что вино означает — все, кончилась командировка, привыкай к Земле, товарищ, но и Михаилу полагался без малого литр на день, а уж Крутикова отлучать от космоса явно не собирались. Вымывает радиацию, объяснял Миша (с Михаилом Антоновичем они довольно быстро и естественно перешли на «ты» еще до посадки). Либо плохо вымывает, либо многовато ее скопилось, радиации.

Быков ограничился единственной рюмкой. Достаточно. Кивком поблагодарив официантку, он вышел из столовой. После ужина они с Мишей гуляли с полчаса по берегу, и привычка эта укоренилась.

Ветра сегодня почти не было, море спокойное. Неплохо бы летом приехать, пусть не сюда, а в Ялту или Анапу. И не одному, конечно, и даже не с Мишей.

Быков выбрал голыш, запустил в море. Блин, блин, блин, бульк. И пляж этот, и море, и прогулки казались странно знакомыми, виденными, хотя никогда раньше он не был не то что в санатории — просто на море. В кино, правда, часто видел здравницы. Да еще Иоганыч про свою любимую Прибалтику рассказывал, дюны и сосны, так честно рассказывал, что поначалу мерещились они на каждом шагу. И сейчас мерещатся.

Стало скучно, почти тоскливо, и он пошел дальше, шагом бодрым, энергичным. Нам нет преград ни в море, ни на суше. Давай, давай, иначе закиснуть можно. Очень даже скверно получится — закисший капитан Быков на почти необитаемом острове. В ожидании Пятницы. Правда, капитан сухопутный, бронетанковых войск.

Впереди показался пирс. И часовой в будке, готовый вежливо, но твердо завернуть товарища капитана. Конечно, строгость — вещь полезная и даже необходимая, но с тех пор, как Черное море стало внутренним морем... Впрочем, время вокруг непростое. Тревожное время, товарищ Быков.

Он повернул назад, досадуя, что снова начал думать о неприятном. А как не думать? Рычагом по голове, понимаешь, и всего делов...

В холле, пустынном, гулком, мерцал экран стереовизора. Опять про высокочастотную вспашку. Жизнь идет своим чередом, дорогие товарищи, неуклонно претворяются идеи партии, растет благосостояние, и крепнут ряды.

Быков послунылся по холлу, пальцем потыкал землю в цветочных горшках — влажная, поливают, — полюбовался полотном Айвазовского «Бриг „Меркурий“», авторская копия. Спать рано, рано до неприличия. Он зашел в музыкальный салон. Музыкальных предметов здесь было два: кабинетный рояль, закрытый чехом серой материи, саржи, что ли, и радиола «Фестиваль». Рояль за все время пребывания Быкова в санатории не раскрывали ни разу, радиолу слушали постоянно. Это дозволялось, более того, было практически обязательным — для поддержания языковых навыков. Китайская, немецкая, англий-

ская речь. Аппарат хороший, с чувствительным коротковолновым диапазоном, не то что «Панония», изделие братской республики, двухламповая машина, которая исправно ловила местную станцию, например тот же Ашхабад, а при великой удаче — еще и Москву с Пекином. Впрочем, у большинства нет и «Панонии», довольствуются проволочным радио. В последнее время появились новые модели, трехпрограммные, Быков получил такую одним из первых — премировали за спасательную операцию, когда Иоганычга выручать пришлось.

Он нажал клавишу, засветилась веселым желтеньким цветом шкала, затем разгорелся зеленый глаз, и звук глушилки ударил по перепонкам. Лягушка в футбольном мяче, да. На матче ЦДКА — «Спартак», и мяч тот влетел в ворота «Спартака».

Быков повернул ручку настройки. Рев смолк, музыка, явно азиатская, заполнила комнату. Братья-китайцы. Мимо, мимо. Он шарил по диапазонам, пока наконец не набрел на передачу из Торонто. Английским Быков владел скверно, и в школе, и в училище долбили: «Зыс из зе тэйбл», и далее почему-то дело не двигалось. Впрочем, техническую литературу читать он в конце концов научился, но разговаривать...

Ничего, он ведь не разговаривать собирается, а только слушать.

Диктор частил взволнованно и горячо, Быков уловил названия Киева и Москвы, а затем длинный перечень городов американских. Корабли, танки, вторжение, бомбардировки, часть слов он угадывал, а остальное просто додумывал. С каждой секундой додумок становилось больше и больше, пока он с досадой не выключил приемник. Информационный блок, безо всяких там релятивистских теорий старика Эйнштейна. Правильно Миша говорит, языки учить нужно, без них тяжело. Где-то он видел набор пластинок. Завтра и начнет. «Зыс из зе тэйбл».

На столиках лежали подшивки газет, около дюжины. Конечно, «Правда», «Известия», «Труд», еще какие-то. Газеты свежие, есть и сегодняшние. Он по привычке начал с «Правды», затем перешел к «Известиям». Трудящиеся столицы обязуются сделать город краше прежнего, и по сему (так и написано: «по сему», — блюстители чистоты родного языка брали за образец

петровские указы и ломоносовские оды) рабочие смены отныне длиться будут двенадцать часов, а выходные упраздняются вплоть до полного выполнения обязательств. Значит, краше прежнего. А, вот еще: полностью восстановлено движение по Садовому кольцу. Большого, как он ни старался, отыскать не смог. Новая посевная станет триумфом высокочастотной вспашки — все газеты писали именно об этом, даже «Советский спорт», даже «Оймякон штерн», невесть как попавшая сюда. Да, придется вам научиться мерзлоту пахать, ребятушки. Или надейтесь на манну небесную.

Сестричка милосердия пригласила его на очередной осмотр. Доктор долго расспрашивал про самочувствие, потом загнал в ящик, опять укол, опять мудрые, обязательные к исполнению советы — сон, прогулки, диета.

— Настоятельно рекомендую настольный теннис.

— Слушаюсь, доктор. — Он осмотрел себя в зеркало. Краше не стал, но отъелся почти до прежних размеров, одежда уже не болталась, и сила возвращалась помаленьку. — Только ведь играть вдвоем нужно, а я один с некоторых пор у вас числюсь.

— А вот со мной и сыграем.

Минут сорок они гоняли целлулоидный мячик. Доктор двигался с удовольствием, и Быков сообразил — прописали ему пинг-понг из корыстных интересов. Злоупотребление служебным положением. Тогда он собрался и начал так подрезать мячи, что доктор быстренько счел — на сегодня довольно.

— Долго мне еще... быть тут? — решился на вопрос Быков. Спорт, он сближает.

— С медицинской точки зрения процесс реабилитации практически завершен, но в отношении вас никаких распоряжений пока не поступало, — честно ответил зававававший его доктор. — Да вы отдыхайте, отдыхайте, запасайтесь здоровьем впрок. Никогда, знаете ли, не помешает. Завтра реванш?

— Завтра, — согласился Быков.

Горячая вода отпускалась щедро, струи хлестко били по коже, вымывая из пор накопившуюся за день усталость. Хороший санаторий, об этом в один голос говорили и остальные — космогаторы, атмосферные летчики, подводники, все те, с кем отдыхал здесь Быков еще неделю назад. А сейчас он один, остальные убыли по срочному вызову, многие — не съев и трех обе-

дов. Убыл и Миша, обняв на прощание, вздохнув и пожелав спокойствия: «Ты, Алешенька, не тревожься. Все хорошо, все будет хорошо».

С той поры он и тревожится.

Никогда, осознал вдруг Быков, никогда он не был наедине с собой так долго — неделю. И в сиротском доме (до сих пор он старался думать «школа-интернат», но сейчас не хотелось лгать и приукрашивать. Сиротский дом, паршивый, холодный и жестокий — притом что он, Быков, не был забитым, изгоем, лишним, напротив, сам полбешники раздавал, впрочем, не часто и только за дело, даже старшие ребята его уважали и принимали в свою компанию), и в училище, а больше всего, как ни странно, в пустыне, всегда он был на людях, среди товарищей, весь на виду. Посидеть в покое, подумать ни о чем, о себе, о жизни было негде, разве в библиотеке.

Лечение одиночеством. Выздоровление хуже болезни. Очень не хочется поправляться.

Он вышел на балкон. Вид на море, вставить в рамку и предлагать лучшим музеям. Наверху, среди неподвижных звезд, плыла неспешно точка, яркая, даже не точка, диск. Патруль. Ашхабад может спать спокойно — он невольно искал дерево, постучать. Ничего, сгодится и плетеный стул, материал родственный.

Хватит, нужно ложиться. Прохладные льняные простыни нежили кожу. Смотри, капитан, привыкнешь, барчуком станешь, избалуешься.

Быков уснул как в лучшие времена, быстро, почти без маеты. Сквозь третий сон донесся гудящий низкий звук, шмели разлетались, он повернулся на другой бок, не желая просыпаться, и не проснулся, о чем там, в третьем сне, подумал с удовлетворением.

Потом, уже в следующем сне, постучали в дверь.

— Войдите, не заперто. — А и возжелай он закрыться — не смог бы. Замков на дверях не было, таких замков, которые можно открыть и закрыть изнутри.

— Не беспокоил доблестного специалиста по пустыням?

— А... Добрый вечер. — Быков нашарил наконец шнур плафона, дернул и теперь привыкал к свету.

— Вижу, обеспокоил. Но с самыми лучшими намерениями. — Юрковский стоял в проеме двери, свежий, стройный, просто английский лорд на рауте.

— Рад тебя видеть, пижон. — Быков действительно был рад. Сразу по возвращении Юрковский и Дауге исчезли. Иоганн, конечно, в госпиталь попал, а вот Володька... Даже обидно было. Но Крутиков объяснил, как всегда, просто и доходчиво: служба.

— А уж я-то! Ты давай поднимайся, нам срочно лететь туда. — Юрковский показал пальцем на потолок.

— В космос? На Венеру?

— Вошел во вкус, космопроходец. Не на Венеру. Нас хотят видеть очень ответственные лица.

— Прямо сейчас?

— Именно. Покою лишились, подай, говорят, сюда специалиста по пустыням, и все тут. Снарядили экстренный гидроплан, аллюр три креста, и вот я здесь. А к утру требуется быть там. Ты собирайся, назад возвращаться не будем. За четверть часа уложишься?

— Уложусь, — коротко ответил Быков.

Хватило четырнадцати минут, вместе с бритьем и чисткой зубов. Все это время Юрковский говорил о пустяках, передавал приветы от незнакомых людей, ходил по комнате, комментируя репродукции на стенах.

В коридоре мелькало лицо доктора, но входить тот — не решился.

— Я готов. — Быков поднял чемоданчик, девять килограммов личных вещей.

— Ничего не забыл?

— Предписание, оно...

— Товарищ, можно вас? Документы на товарища Быкова готовы?

— Пожалуйста. — Доктор протянул коричневый конверт; Юрковский заглянул внутрь, потом сунул конверт во внутренний карман шинели.

— Все, Алексей, при нас документы. — Он нарочно сделал ударение на второй слог, на «у».

— До свидания, — попрощался с врачом Быков. — В другой раз сыграем.

— Непременно, непременно сыграете, а пока — прощайте. Слушайте утренние новости. — Юрковский повел Быкова наружу.

Идти пришлось к самому пирсу. Пропустили, часовой даже под козырек взял.

— Ты не упали смотри, — предупредил Юрковский.

Из темноты выплыл катер, катерок даже, маленький, вертлявый.

— На нем? — не мог поверить Быков.

— Сто метров. Кабельтов — по-морскому. Вытерпишь?

Действительно, плыли всего ничего. До самолета-амфибии, что ждал их неподалеку. У люка их встретили, помогли забраться, с чемоданом было бы неловко.

— Можно взлетать, Владимир Сергеевич? — Летчик лихой, довольный. В три часа ночи, а довольный.

— Можно. — Узким проходом они прошли в салон.

— Однако, — только и нашел что сказать Быков.

— Нравится?

— Шахрезада, тысяча и одна ночь.

Салон занимал почти весь фюзеляж. Стол, диван, несколько кресел, даже буфет. Никакого пластика, дерево, кожа, шелк.

— Ты садись, садись, космопроходец.

Быков сел. Приятное кресло, в меру мягкое, в меру упругое. Тихо загудели турбины, гидроплан приподнялся на подушке, понесся вперед. Быков глянул в иллюминатор, не надеясь увидеть момент взлета, а просто — посмотреть.

— Видно что-нибудь? — Юрковский сидел вольно, свободно. Отдыхает.

— Темно.

— Ничего, Алексей. С завтрашнего дня светомаскировка станет историей. Вернее, с сегодняшнего. — Он потянулся, и Быков понял, что Юрковский устал. Очень устал.

— Как — историей?

— Сюрприз. Для всей страны сюрприз, но тебе скажу то, что остальные узнают в семь ноль-ноль по московскому времени. Атлантиды капитулировали. Все, конец, *finita*. Как напишут в газетах, последняя цитадель империализма пала. Жизнь входит в мирное русло. Приходит время наград. Давай, Алексей, верти дырочку в кителе.

Гидроплан прекратил набор высоты, теперь летели гладко, неколебимо.

— Дырочку?

— Или даже две. Наверное, две.

— Ты расскажи, что происходит, пожалуйста, только серьезно.

— Серьезнее некуда, дорогой. Мы вернули свое, Аляску и Калифорнию, Мексика — Техас, Южные штаты будут преобразованы в Свободную конфедерацию, Северные обретут независимость, каждый штат станет отдельной страной.

— Так быстро?

— Революционный порыв рабочего класса Америки плюс гений генералитета. И вот, покончив с ратными делами, правительство решило воздать должное отважным покорителям Венеры. — Володька часто говорил с иронией, но сейчас он пытался говорить с иронией. Или просто кажется — от недосыпа, от случившихся событий?

— Нас всех собирают? Весь экипаж «Хиуса»?

— Всех, всех. Даже Иоганыч будет, медицина дала добро.

— И Миша?

— Разумеется, куда мы без него? Должен уже приземлиться. Миша наш вместе с Ляховым там летали, наверху. Обеспечивали господство в космосе. «Хиус», он целой флотилии стоит. Хотя, конечно, флотилия тоже без дела не осталась. — Юрковский встал, подошел к буфету. — Выпьем, Алеша? Шампанского? «Абрау Дюрсо», урожай шестьдесят шестого года. Знатоки хвалят.

— Не хочется. И поздно, то есть рано.

— Надо, надо. А то хозяин этого ковра-самолета обидится. — Юрковский по-гусарски хлопнул пробкой, пена просто клокотала. — За нас, Алеша. Сегодня — за нас.

Они выпили по бокалу, и Юрковский вернул бутылку в буфет.

— Или ты хочешь еще?

— Нет.

— Тогда я сосну, Алексей. Запарился. Нас утром примут, ранним утром. — Он снял пиджак, устраиваясь на диване, вытянул ноги, чтобы не помять безукоризненную стрелку. — Да,

знаешь... Вроде обычая такого... Ты на одно желание имеешь право...

— Золотая рыбка?

— Весьма. И с норовом: не по ней — щукой обернется. Но простые желания исполняет справно — машину, квартиру, дачу там или еще что. Только в Москве квартиру не проси.

— Не дадут?

— Дадут. Но спроса на московские квартиры лет десять не будет. Подумай, чего хочешь. Не прогадай. Кого учу, ты умный. — Юрковский прикрыл глаза, нахохлился. — Запарился я...

Про желание Быков слышал и раньше. Значит, «Героя» дадут, раз желание. Ничего иного, если честно, он не ждал. И желание припас загодя. Просьбу. Хорошо выверенную просьбу.

Он тоже забился в угол кресла, но не спалось. В свете плафонов, горевших вполсилы, видно было, как сдал Володька. Сейчас он казался стариком; редкие волосы слиплись, череп, просто череп, а не голова. Стало стыдно своего здоровья, красной рожи, долгих дней ничегонеделания.

Тьма внизу, зато над тучами — луна. Большая, что прожектор. Для влюбленных старается.

Незаметно для себя он задремал и очнулся прямо перед посадкой. Снаружи серело, видна была тайга, тайга и снег.

— Отдохнул, герой? — Юрковский опять смотрелся молодцом. Умеет собираться, умеет, не отнять.

— Где мы, не пойму?

— Сейчас, недолго осталось. — И действительно, тайга надвигалась, ближе и ближе, затем показалось поле, бетон, фермы. — Новосибирск, друг мой, резервная столица.

Движение прекратилось нечувствительно, забытый бокал на столе не покачнулся. Это вам не на Венеру садиться, дорогие товарищи.

Через полчаса они были в зале ожидания — так определил для себя Быков комнату, в которую они попали из перехода метро. Над ними хлопотали не то парикмахеры, не то гримерши — подправляли прическу, пудрили кожу. Быкова заставили переодеться в парадную форму, выданную тут же, — «это теперь ваша». Сидит ловчее, чем своя, и материя добротная, но — покорило.

— Ничего, Алексей, искусство требует жертв. Это для кинохроники. — Юрковский подмигнул, но вышло невесело.

— А где остальные? Миша, Иоганыч? — И, словно услышав, из другой двери, не той, откуда пришли они, показались и Крутиков, и Дауге.

— Гриша, — шагнул было к нему Быков, но тут их позвали:

— Проходите, проходите, товарищи! — Звали так, что медлить было — нельзя.

Он пропустил всех вперед — Юрковского, Мишу, улыбнувшегося им какой-то смущенной, даже тревожной, улыбкой Дауге — и пошел рядом с последним, искоса поглядывая в застывшее, серое лицо Иоганыча. И шел Гриша не своим шагом, легким, даже разболтанным, а ступал на всю подошву, твердо и в то же время неуверенно, так ходит застигнутый врасплах пьяный сержант перед нагрянувшим командиром полка.

Если бы действительно пьян.

Из довольно непритязательного перехода они прошли в чертоги — высокие потолки, мрамор, яркий дневной свет, странный на такой глубине — над ними метров пятьдесят породы, не меньше. По ровной, без складочки, дорожке они прошли вглубь, где и остановились. Напротив, за столиком с гнутыми ножками, сидел человек. Не первое лицо государства, даже не второе, но третье — несомненно. Хотя — как посмотреть. Откуда посмотреть. Для многих — он самый первый.

А рядом, но на своем неглавном месте — рангом пониже, все больше незнакомые, за исключением одного Краюхина, в генеральском мундире, покрытом чешуей орденов. *Tyrannosaurus Rex*, вспомнил Быков рисунок Дауге.

— А, вот они, наши герои. — Человек за столиком был не притворно доволен. Он любил быть добрым — к своим, награждать, давать заслуженное. — Именно благодаря вам, таким как вы, наступил сегодняшний день. Впереди... Ах, какая впереди жизнь! С нынешнего дня... — Речь лилась, плавная, ласковая, свертхтекучая. Потом перешли к протокольной части: «За проявленные при этом мужество и героизм...» Всем вручили по ордену, а Быкову, как и предсказывал Юрковский, еще и Золотую звезду. Дыры в кителе не потребовалось, по крайней мере сейчас: на орденах были хитрые крючочки, как у клещей. Держятся. Когда присосется, начинает раздуваться.

— А сейчас мы по-простому, по-семейному присядем. — Их провели в новый зал. Сколько же их здесь нарыто.

— Ну, здесь все свои. — Третье лицо огляделся с удовлетворением. К своим относились и Краюхин, и порученец, и, разумеется, новонагражденные. Остальные — свита, репортеры, телевизионщики — остались за дверью. — Большое дело своротовили. По русскому обычаю... — Он хлебосольно повел рукой. — Жаль, времени мало. Ну, вы потом продолжите — верно, Николай Захарович?

— Непременно продолжим. — Краюхин потер руки, изображая продолжение. — Традиция!

— Чем богаты, как говорится. — Руководитель собственноручно резал хлеб, пахучий, ржаной. Сало, огурцы, лук уже лежали на блюде. — Мы по-русски, по-простому. Я слышал, вам, космогаторам, нельзя, но вы уж уважьте старика. — Из запотевшего графина он разлил водку по маленьким пузатым стопочкам. — Во здравие...

Выпили все, лишь Дауге запнулся, и Юрковский подтолкнул Иоганыча — давай, мол.

Быков захрустел огурцом, руководитель одобрительно поглядел на него:

— Люблю таких, парень. В работе тоже, чай, не последний?

— Алексей Петрович проявил себя с наилучшей стороны, — аттестовал Быкова Краюхин.

— Помню, как же. Значит, так. Начнем вот с тебя. Юрковский, да?

— Так точно. — Володька, не спросясь, налил себе вторую стопку. Лицо бледное, но улыбчивое. Переморгаем, Володька. Не то видели.

— Ну, Юрковский, о чем мечтаешь, чего не хватает для счастья?

— Я бы просил вас и в вашем лице правительство распорядиться о выделении средств для комплексного освоения Венеры — в частности, создать многопрофильный институт Венеры.

— Губа не дура. Ты кто, геолог?

— Так точно. — Но третью стопку не взял.

— Получишь институт геологии Венеры. Только учти, работать — кровь из носу! Нам много чего из Венеры получить нужно, много!

— Так точно. — А Володька дерзит, дерзит, шельмец. Нашел время.

— Ну а тебе? — Руководитель повернулся к Дауге.

— Семнадцать... Семнадцать городов... — почти прошептал Иоганыч.

— Что? Семнадцать городов? Эка ты хватил, братец. — Но тут Краюхин сказал ему что-то на ухо. — Больной, да? Ну ладно, поправляйся, поправляйся. Я не тороплю.

Быков заметил, как переглянулись Крутиков и Юрковский, переглянулись с облегчением.

— Ты выпей, выпей, Гриша, — поспешил со стопкой Юрковский.

— Во, молодец! Первое лекарство! А тебе чего?

— Спасибо, у меня, кажется, все есть... Не надо... — Миша покраснел, не то от выпитого, не то — просто.

— Все, говоришь? Дача, к примеру, на море есть?

— Нет, но...

— А дети, жена?

— Есть. — Быков заметил, как краснота сменилась бледностью — быстро, мгновенно.

— На Черном море дачу хочешь или на каком другом?

— На Черном, пожалуйста. — Миша теребил платок, не решаясь вытереть пот.

— Да ты не бойся, не бойся. Вдругорядь только не говори «все есть»: позавидуют и отберут. В Крыму будет дача. Отдыхай!

Руководитель посмотрел на Быкова, усмехнулся:

— Ты, наверное, и не понимаешь, с чего начать? Молодой, многое нужно, знаю. Сам таким был.

Быков вытянулся, руки по швам:

— Разрешите обратиться!

— Давай, давай, на что созрел? Не продешеви... — Руководитель смотрел на него с интересом, но с интересом взрослого к ребенку, которому выбирать — пряник или петушка на палочке.

— Я хочу попросить повторно рассмотреть дело Олейникова Василия Михайловича, осужденного по указу от девятого сентября одна тысяча девятьсот шестьдесят пятого года... —

Показалось ему или услышал, как ахнул Миша? Услышал — внутренним слухом.

— Рассмотреть дело? — Руководитель не удивился, только поскучнел. — Он тебе что?

— Я... понимаете... — Быкова сбило это «что». — Считаю своим долгом коммуниста.

Опять встрял Краюхин — на ухо, но внятно:

— Невеста — спецпереселенка. А тот — отец ее.

— А, невесты. — Руководитель ухватил крохотный кусочек сальца. — Бабье, бабье... — И пошел прочь, жуя на ходу. На пороге обернулся, бросил: — Добро, можешь жениться, парень. Не мешкай.

Пока они не сели в самолет, теперь краюхинский, никто не сказал ни слова, даже не смотрели друг на друга, и лишь в салоне, казавшемся после виденного донельзя простым, Юрковский перевел дух:

— Да, ребята, вы нынче того... Мало вам Голконды, черти, нашли где...

— Владимир Сергеевич, займитесь Дауге, — перебил его Краюхин. — А я распоряжусь. — Он скрылся в отсеке пилотов.

Иоганыч, бледный, молчаливый, сидел недвижно в кресле и, казалось, ничего не слышал, не замечал.

— Сейчас, Гришенька, сейчас. — Юрковский вытащил из кармана шприц-тюбик, содрал защитную пленку. — Сейчас... — Запахло эфиром, он вогнал иглу под кожу. — Потерпи, полегчает.

Самолет разбежался, но никто не замечал взлета.

— Ты поспи, поспи, — уговаривал Дауге Миша.

— Зачем мы вернулись? Семнадцать городов. — Он смотрел на Быкова, не узнавая. — Зачем...

— Ничего, Гришенька, ничего. Отдохнешь, поправишься, — уговаривал его Юрковский; Дауге всхлипнул тихонько и умолк.

— Заснул. Два грамма, к вечеру очистится от седуксена. Вредно, но лучше, чем веревка на шею.

— Он все болеет? — Быков вглядывался в лицо Дауге, усталое, изможденное. Все мы тут не красавчики, но Иоганычу досталось больше других.

— Поправляется. — Юрковский поколдовал с креслом, и оно разложилось. Миша укрыл Дауге откуда-то взявшимся пледом.

— А что он насчет городов?

— Переживает. Считает, что без него города бы уцелели.

— Какие города?

— Те самые. Детройт, Филадельфия, Бостон, другие... Ну и Москва с Киевом.

— Какой ты все же, Алеша, неосторожный... Попросил бы Николая Захаровича, он бы уладил потихоньку, не сразу, но уладил бы. Амнистия будет, под нее...

— Сам хорош, Михаил. Не нужно ничего, вот я какой гордый. — Юрковский.

— Да я...

— Погодите, погодите. Города...

— Разбомбили города, крепко разбомбили. Иначе с чего бы они капитулировали, американцы. Как начали — по городу в час, так они и не выдержали, — нехотя объяснил Юрковский.

— Понимаешь, Алеша, Гришенька на себя все валит, думает, без него ничего бы не случилось. — Крутиков вздохнул, отвернулся к иллюминатору. — А было бы то же самое, только в десять раз хуже.

— Не понял.

— Он, Гриша, и придумал эту красную дрянь привезти сюда, на Землю. За ней мы, собственно, и летали. — Юрковский тоже избегал смотреть на Быкова.

— Красную дрянь?

— Микробы, что актиноидами питаются, ураном, плутонием. Мы их привезли, тут немножко над ними поколдовали, а потом распылили в нужном месте и в нужном количестве. Все ядерное оружие атлантидов и того... сгнило, в общем.

— Понимаешь, Алеша, не мы, так другие бы добрались. Представь, атлантиды, ведь хуже бы было, правда? — Миша уговаривал и убеждал. Кого?

— А Москва, Киев?

— Не все, значит, сгнило, но процентов девяносто — точно. Потому мы их и сломали. Два к пятнадцати, кто может выдержат. Ты лучше вот что скажи, Алексей, тебе что, жена нужна

обязательно с незапятнанной биографией? Хорошо, рыбка наша золотая в добром расположении духа оказалась, а то...

— Не мне. Она... Она отказывалась... Боится, что и меня из-за нее...

— Дураки вы, — вернулся Краюхин. — Берите бумагу, Алексей Петрович, пишите заявление.

— Какое?

— Прошу зачислить курсантом высшей школы космогации... Пишите, пишите.

— Зачем?

— Чтобы я, говоря высоким штилем, мог в случае чего спасти вашу шкуру, Алексей Петрович.

— Да, Лешенька, пиши. — Крутиков наконец обернулся, глаза умоляющие.

— Простите, Николай Захарович, вы не находите, что нам следует... — начал Юрковский.

— А мы туда и летим, в Ашхабад. Я связался с нужными людьми, есть у меня дружок, учительницу доставят прямо на наш аэродром. Должны успеть, ребята шустрые. А у тех пьянка по случаю победы... Опредим.

— Вы о чем? — Быков переводил взгляд с Краюхина на Юрковского.

— Да ты не беспокойся, не беспокойся. — Юрковский положил руку на плечо Быкова. — Сиди. Пиши лучше.

Быков взял протянутую авторучку и блокнот, прислушался — двигатели на форсаже, быстро летим — и вывел крупными буквами: «Председателю ГКМПС товарищу Краюхину Н. З.», помедлил минутку и продолжил, дописал лист, вырвал, скомкал и начал другой.

Третий.

Четвертый...

ИЗ ГЛУБИНЫ

Месяц назад был организован специальный отряд разведчиков-добровольцев.

А. и Б. Стругацкие. Ночь на Марсе

1

— Еще два поворота, и станет легче.

Разведчик остановился, подождал, пока Ильзе восстановит дыхание. Костюм «Б-3» — штука неплохая, но в узких лазах, скорее, помеха.

Вано и Тамара, сверяясь с жирокомпасом, рисовали карту. Остров Сокровищ, подумал разведчик. Пиастры, пиастры...

Наконец пыхтение прекратилось.

— Вы карабин-то опустите, а то пальнет невзначай. Если кто и встретится, так сосунки. И вообще, они сзади не нападают.

Ильзе сделал вид, что не слышит. Конечно, после гибели отряда Зайцева нервы у всех раздерганы, но иметь в арьергарде напуганного стрелка — подарочек из того еще мешочка. Впрочем, это — данность. Еще одна данность, только и всего. В конце концов, между Ильзе и ним — двое. Хотя для «Тимура» что два тела, что пять... Мощные у нас карабины. Аккумуляторы бы им под стать делали...

Разведчик переключил фонарь на свет самый тусклый, экономный. Оно и полезней. С ярким-то еще белые мухи налетят...

Тоннель был узким, очень узким. Приходилось пригибаться, а порой и на четвереньки вставать. Ничего, жестоковыйных среди нас нет. Вымерли жестоковыйные. Как динозавры.

— Второй поворот, теперь свободнее станет.

Стены раздвинулись, ушли, тусклый свет не поспевал за ними, отчего тьма казалась еще гуще. Головастики в асфальтовой луже. И руки-ноги вот-вот застынут.

Разведчик выпрямился, потянулся — с хрустом, проверяя каждую косточку, каждую связку. Отозвались все — разнбой-

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВИЧ ЩЕПЕТНЁВ

МАРС, 1939

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Ульяна Смирнова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 18.03.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 52,92. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-FFB-37265-01-R